

свободная газета свободных поэтов

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

№47
апрель
2020

АНДРЕАПОЛЬ • ПЕНО • ТОРОПЕЦ • НЕЛИДОВО • БЕЛЫЙ

* * *

Весенний дождь запутался в ветвях.
Не радуется промозглая погода.
Ты от меня как будто в двух шагах,
Хотя прошло уже почти два года.

Судьба из сердца тянет канитель,
Людские судьбы в косы заплетая.
Бывает злой последняя метель –
Засыплет снегом путь к воротам рая.

А в мае проповедник-соловей
Начнёт смущать нескромными
речами.
И по следам снегов, следам дождей
Идёт любовь с котомкой за плечами.

Любить – идти по острому ножу.
Чуть струсишь, и она тебя не тронет.
Дай мне ладонь, я правду расскажу...
О том дожде, что путается в кроне.

**Иван Кирпичёв,
Нелидово**

* * *

Художнику Евгению Ефимову
Стылый ветер вдыхая
простуженной грудью,
Замер парк городской, наблюдая,
как с неба
Опустилось на мир состояние
грусти
Акварельною свежестью первого
снега.

Созерцая в душе краски замыслов
Божьих,
Напевая деревьям старинную сагу,
По аллее пустынной шагает
художник
В мастерскую, где ждут его холст и
бумага.

В тесной комнатке он так доступно
и просто
Парк напишет, из теней причудливо
соткан...
К добрым людям и к белым
октябрьским звездам
Унесутся, как птицы, по ветру
полотна.

**Валерий Линкевич,
Андреаполь**

Самоизоляция – искусству не помеха

Коронавирусная пандемия стала причиной отмены множества ранее запланированных культурных событий. Все публичные выступления и творческие встречи оказались внезапно перенесены на неопределённый срок. И тем не менее, потребность в таких встречах сохраняется всегда, а современные технологии дают авторам новые возможности для их проведения даже в условиях самоизоляции.

Наши «форпостовцы» не остались в стороне от продиктованных временем веяний и активно участвуют в творческих Интернет-акциях. Так, 21 марта нелидовский поэт Игорь Столяров стал участником большого песенно-поэтического марафона, посвящённого празднованию Всемирного дня поэзии. Это уникальное событие проводилось в прямом эфире социальной сети «Фейсбук» с помощью обычных смартфонов и вебкамер. А организовано оно было по инициативе наших друзей – подмосковного творческого дуэта «Остров» в составе поэта, автора-исполнителя Сергея Леонтьева и поэта Алины Серёгиной. В ходе марафона прозвучали стихи и песни авторов из России, Эстонии, Чехии, Швеции, США, Израиля. Теперь их выступления доступны и для повторных

просмотров. Стоит добавить, что спустя несколько дней, 1 апреля, «островитянами» был успешно проведён ещё один марафон – на этот раз посвящённый Дню смеха.

21 апреля в соцсети «ВКонтакте» состоялся онлайн-концерт тверичанки Татьяны Винокуровой, стихи и песни которой хорошо знакомы нашим читателям. Полуторачасовая программа в рамках творческого клуба «Музыкальная среда» включила в себя многие песни Татьяны, в том числе и совсем новые. Видеозапись этого концерта также доступна в Интернете.

Кроме того, библиотека г. Андреаполь на своей странице «ВКонтакте» предложила читателям и авторам развлечь себя на самоизоляции чтением любимых стихов с размещением видеороликов. Многие из авторов «Западного форпоста» охотно откликнулись на это предложение, что лишнее раз доказывает: карантин – не препятствие для творчества и его почитателей.

На фото: совместное выступление И. Столярова и Т. Винокуровой в библиотеке г. Нелидово в 2017г.

Пеновское Лито «ПЛОТ» – первое в более чем столетней истории поселка Пено литературное объединение. Оно появилось на свет 28 мая 2005 года, а идея его создания вынашивалась больше двух лет. Создание литобъединения значительно оживило культурную жизнь района. Поэты стали регулярно выступать с творческой программой на сцене районного Дома культуры и в сельских ДК, выпускать коллективные сборники, активно сотрудничать с Пеновской центральной библиотекой и районной газетой «Звезда», регулярно публикующей их стихи. В нынешнем году литературному объединению исполняется 15 лет, с чем мы искренне поздравляем коллег.

* * *

В синем небе голубь с голубицей,
А под ними – храма купола.
Храма, где могу я помолиться,
Когда сердце выжжено дотла.
Только в храме, зажигая свечи,
Сердцу облегчение найду.
К алтарю, как к Господу навстречу,
Я с молитвой тихой подойду.
Лишь молитвой душу успокою,
Удержав её на рубеже,
 Попрошу: «Будь, Господи, со мною,
Упаси на скользком вираже!»

Светлана Миронова

* * *

Я никто перед этими звездами
вечными,
Перед их высотой, посылающей
тихую грусть.
Лишь однажды пройду по пути по
их млечному,

стр. 2

Лишь однажды, и обратно уже не
вернусь.

Я никто перед Бахом, Шопеном и
Моцартом,
Рядом с ними померкнет любая
звезда.

Лишь однажды я встречусь с
великими нотами,
Чтоб потом не вернуться сюда
никогда.

Мы никто перед временем и
одиноким,
Перед смертью, что наступает на
грудь.

Лишь однажды нам всем в этой
жизни захочется
Все понять, все простить и
наверное, что-то вернуть.

Татьяна Борисова

* * *

Пустота и тишина.
В сердце тишины
Чашу пустоты до дна
Пьёшь, как блудный сын.

Чьи-то слабые шаги
С краю тишины,
Словно старые долги,
Не возвращены...

Михаил Иванов

* * *

Здравствуй!
Здравствуй, долгожданная весна!
Как ты долго нас будила ото сна!
Уж не верилось тому, что ты придёшь
И с собою в лето позовёшь!
Но однажды утром закричали
чайки,

Пролетая мимо, зазывая в стайки.
Река вдруг задышала мелкою
волной
И захотелось быть нам рядышком с
тобой!
Всё зацвело, и зажужжало, и запело!
Трава в лугах, в лесу зазеленела!
Берёзки закружили хоровод,
Свет озарил лазурный небосвод!
Добром, любовью задышали люди.
Забывлось, что наш путь тернист и
труден.
Позволим в нашем сердце зацвести
садам
И резвость ощутим не по годам.
Жизнь станет во сто крат для нас
ценней,
И будет легче и, наверно, веселей!

Валентина Ашуркова

Весна

Её всегда так долго ждёшь,
так ловишь каждую приметку,
Намеки, полуправду, ложь
берёшь за чистую монету.
И вот, когда уж надоест
прислушиваться на пороге,
Дух пряный разольет окрест
черемух в платьицах нестрогих.
Войдет неслышно, не спеша
в зеленом кружеве одета,
Не описать, как хороша!
Повсюду есть ее приметки.
Тряхнет сережками берез,
волной искристою плеская...
Лес новою листвою пророс
и стоя ей рукоплещает.

Галина Андреевко

* * *

Вот – высокий с красными цветами.
Да не Вы ли это? Стало быть,
Ваше время назначать свиданья,
А моё – на них не приходиться.

Силою какого притяженья
Мне навстречу сделать первый шаг,
Если сердце яблочком мишени
Дрогнув, приготовилось бежать?

Мерить время быстрыми шагами
В комнате от двери до угла
Мне не легче. Я встречаюсь с Вами.
Нет! Ещё минута истекла!

Завтра улыбнётесь как обычно,
Щекотливый эпизод прощён,
А букет поникнет непривычно
Красной краской, облетев со щёк.

Эта мука так невыносима,
Словно мы и выбрать не вольны,
Подчиняясь прочь влекущим силам,
Тем, что притяжению равны.

Наталья Иванова

Екатерина Вихрова,
г. Тверь

Из повести «Спаниель Сталина»

*
Какие тайны знают рыбаки? Почему их тянет к водоемам, даже понимая, что достойного улова в здешних местах никогда не будет? Разве только — побаловать котов. Что им нашептала вода, чем заворожила? Ведь даже в ливень рыбаки идут к реке в дождевиках. Пилигримы. И возвращаются домой, под вечер, словно из другого мира. Одиссеи. Преодолевшие тысячи преград, что-то знающие, молчаливые. Отец летом постоянно приносил домой маленькие речные трофеи — живых сомиков, которых мы отпускали плавать то в банку на подоконнике, то в ведро на участке. Мне нравилось наблюдать за речными существами, сидя на лавочке в огороде. Собирать ягоды (лишь бы не противных колорадских жуков). Сажать апельсиновые семечки в сухую землю, которой явно не хватало удобрений. Верить, что чудо произойдет и прорастет дерево. Тогда думалось о сказке. Под Новый год я посадила подсолнухи, но они завяли. Радостно проклеиваются семечки. В мечтах — уже подсолнечная ферма на маленьком клочке общажной комнаты, превратившейся вдруг в жаркий тропический остров. Я также вдруг начала читать Туве Янссон, «Муми тролля»,

своим подсолнушкам. Но мои двухнедельные дети умерли, оставшись на несколько праздничных дней без присмотра. Из меня плохой садовод, но я очень люблю цветы. И море. Мама говорила, что я обязательно должна увидеть море. Мама — это прозрачная банка, в которой лежит огромная ветка укропа. Затем банка заполняется смородиновыми листьями, чесноком, огурцами. И заливается соленой водой: размешивали три ложки соли в желтом бидоне (в таких раньше носили молоко). Вода льется на огурцы, как горный водопад. Мама очень любила цветы (только розы не приносили радость: не было улыбки и сияющих глаз). Особенно ей нравились синие хризантемы, привозимые мною в Старицу из тверского ларька на обочине дороги. Мама ставила букет в вазу перед огромной иконой Христа. Когда я впервые увидела этот жест, у меня возникла задумка будущего рассказа «Путь хризантемы». Синяя хризантема — смуглый продавец — я — грустная мама — синее небо. Мама была верующим человеком, каждый день читала Евангелие и молитвенник. В ней причудливо уживались христианство и язычество (страх перед пустыми ведрами и черными кошками), стремление к Богу и протест против Него (она повторяла, что Он жесток и несправедлив). Я никогда не видела моря. Но чувствую, как за ключицами бьётся беспокойная и грозная его частичка. Я мечтаю увидеть шторм, стоя на берегу. С детства мечтаю о красивых синих морских волосах. Назвалась приморским цветком — магнолией.

*
Орджоникидзе — улица старых двухэтажных домов с балконами. Розово-серые, желто-серые, оранжево-серые. Массивные полуколонны и деревянные ставни. Неуклюже и смешно внедряется современность — блестящие стальные трубы и железные двери с домофонами. Птичья клетка висит на балконе второ-

го этажа. Февральская зима. Мороз. И никакой птицы, конечно, нет. Но я слышу, как она поет! Зеленые клены стучат в окна, на балконах пьют чай в тишине летнего вечера. Веселый щенок таксы пытается протиснуть голову между прутьями решетки. Сбивает мордой ансамбли сосул. На чердаках каждого дома — по одному зарешеченному (слуховому?) окошку. В таких укрытиях могут томиться принцессы и прочие загадочные существа. Вглядываюсь в старые окна. На одном — наклеена вырезанная из картона фигурка улыбающегося снеговика. Он бежит, скользит вперед, в новогодние праздники и зимние игры. В доме точно живет ребёнок. Но совсем не слышно голосов. Посередине улицы мне попадает магазинчик с запоминающимся названием «Колач», с припиской ниже: «Здесь вы найдете всё для чая». Захожу — запах детства. И всё — дешевое. Выпечка и сладости. Школьник глушит музыкой из телефона. Я покупаю пахлаву с корицей. Слушаю соловьев под непрекращающимся звездопадом. Тихая улочка завершилась маркированным символом границы — кажется, единственным в городе «Ашаном».

*
Мы поехали с Андреем на море. Горы напоминают старицкие холмы. Но очень красивые, когда по ним спускаются облака. Мамины жалобы на непереносимость горного киргизского климата из-за больного сердца. Море проще, чем в моей мечте. Пробую волны на вкус. Каждое утро в детстве мама заставляла полоскать простуженное горло. Соленая вода в алюминиевой кружке. Ветер постоянно морщит морскую поверхность, словно непослушного, упирающегося котенка, тянет волну за волной за шкуру на берег, шмякает о гальку. Но море сопротивляется и убегает назад. Очень много людей, словно цепи или сети, сковали море

и мешают ему говорить, двигаться, дышать. Я хочу услышать море. Хочу, чтобы пошел дождь, чтобы начался шторм. Все купающиеся такие счастливые. И на их фоне — страдающий Андрей. Но мне так нравятся, очень нравятся эти огромные южные растения: десятисантиметровые иглы сосен, кричащие в кронах цикады (ядовитые в мае, курортники их ловят, держат в коробках из-под сигарет, полумертвых, лишенных голоса уже — как в детстве ловили майских жуков, делали им домики из спичечных коробков, обязательно с подстилкой из листьев). Как называется этот красный цветок? «Ой, я не помню, кажется, гибискус», — отвечает застенчивая девочка, сидящая у дома на бордюре и со всех сторон окруженная кошками. Впервые вижу цветущие пальмы — огромные белые колокольчики с ядреным запахом алкогольного коктейля. Наверное, для привлечения крупных тропических бабочек (жаль, что не побывали на выставке). Я срываю этот колокольчик и отпускаю белый кораблик в море. Он плывет. За буйки, за горизонт, в ночь. Я купаюсь в лунной дорожке, тоже чей-то мираж. Приходит мысль, что в воде прекрасно танцевать, ибо руки становятся крыльями, когда ими взмахиваешь, поднимая из толщи воды ввысь, к луне: тысячи лунных капель разлетаются. Подбегают дети, мои зеленые волосы изумляют их. Один кричит: «Девочка, ты русалка? А ты настоящая русалка?» И начинают спор: настоящая! ненастоящая! Осетины на набережной торгуют шаурмой и хотдогами. Говорят: море приелось, каждый день одно и то же, приезжают специально на лето, подработать. Спрашивают, откуда я. Не понимают. Переспрашивают: Т или Д? Ворота? Я поясняю: «Есть такой город между Москвой и Петербургом, Тверь, не дверь, но в каком-то смысле ворота...». Больше всего мне, впрочем, нравятся пончики. Бабушка в соседнем ларьке не берет денежку: «Давайте я вас так угощу». Не удается попробовать лишь еловое варенье, манящее, изумрудное. Думала, что обязательно достану в Твери это чудо. Ошибалась.

ПЕРВОАПРЕЛЬСКОЕ

Кому смешно, а мне так – не до смеха.
Шутить иль не шутить? Вот в чём вопрос!
Апрель. День первый. Это ли не вежа поговорить о юморе всерьёз?
День дурака. День смеха. День веселья.
Но что смешного, коль тортом в лицо?
И в чём тут юмор, если ржать бесцельно?
И кто опять дурак, в конце концов?
Тот, кто втихую шарит под столами с гвоздём во рту и с молотком в руках?
Иль кто под вечер с мокрыми ногами бредёт домой в дырявых башмаках?
Тот, кто, устав пред зеркалом кружиться, сидит теперь с больною головой?
Иль кто, презрев намёки сослуживцев, реально ходит с белою спиной?
Нет! Добр быть должен юмор изначально!
Пусть толст, но мягок – как борец сумо.
Чтоб не прийти к последствиям печальным,
шутить полезно надо и с умом...
Чу!.. Зуд в руке. Сатиры душу гложут.
Тепло глядят аншлаговцы со стен...
«Я к Вам шучу... Шуча ещё, быть может,
в душе моей угасла не совсем...»

*Владимир Юринов,
Андреаполь*

ВСЕ ПРИ ДЕЛЕ

У нас консилиум по поводу куста,
Который надобно спилить в центральном парке.
Задача оказалась непроста.
Дискуссия вот-вот и станет жаркой.

Смотрю в окно: гуляет детский сад.
Машинку делят меж собой мальчишки.
Играют, бегают, смеются и визжат.
И мы, как те дошкольники-парнишки.

Где? Как? Когда? И, в общем, почему?
Решаем час. Проблема.
Руководим.
А упирается всё в то, пилить кому?
...А тот «кому» уже пилу заводит...

*Юлия Рыжова,
п. Бологово, Андреапольский район*

* * *

Люблю я лесные тропинки,
Могучих деревьев сень.
И тихую прелесть глубинки,
И грусть горемык-деревень.

Бреду по заросшему полю,
По круче спускаюсь к реке.
И-и-и с берега к берегу – кролем!
(Одёжки зажала в руке).

Прохладой овевая тело,
Кувшинка прилипла к плечу.
От радости даже запела,
Вот-вот стрекозою взлечу!

Лихая волна набежала,
Швырнула на берег меня...
Всю ночь до утра пролежала.
Такая вот вышла фигня!

*Светлана Виноградова,
Нелидово*

* * *

Пятый час, а не сразу поймёшь –
День ли к вечеру, ночь ли к рассвету,
И не дождик, а влажная дрожь
Занавесила зябко планету.

Календарь у последней черты,
Но забыты природой резоны,
Нам не выбраться из черноты
Аномальной пожизненно зоны.

Хоть и тускло, но брезжит
фонарь,
Малым зёрнышком теплится
нега.
Чем грустней эта серая хмарь,
Тем желанней пришествие снега.
*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

УСЕЧЕННАЯ КАМАСУТРА

Маргарита Петрова

Внимание: конкурс!

Вася пил трое суток. Сам он счёт времени потерял: ему казалось, что прошла вечность с того часа, как в дверь его холостяцкой квартиры постучался Генка – старый школьный товарищ, шалопут и выпивоха.

Сам Вася роковую черту ещё не преступил, но заложить хмельной вираж на пару-тройку дней мог. И что самое печальное, наотрез отказаться от приятельских предложений, что запросто делал раньше, он не мог теперь даже в критическую минуту.

В этот день Васе приятельское застолье было категорически противопоказано. Вечером он собирался на встречу с Наденькой, недавней знакомой из интернета. Уже около года они переписывались, понимали, казалось, друг друга с полуслова, и вот теперь она приехала в Васин город к приятельнице на несколько дней.

Свидание назначили у памятного горняку, но Вася таил надежду уговорить новую обоже на домашний ужин. Ещё накануне был продуман и подготовлен по-холостяцки скромный, но вполне достойный ужин: в холодильнике томилась крохотная баночка красной икорки, балычок, бутылка приличного вина и ещё кое-что по мелочи. Но не сбылось...

Когда Вася, смутно соображая, в каком временном отрезке находится, вперила глаза в серую хмарь за окном, его жгло единственное желание: сделать хотя бы глоток спасительного спиртного. Перевернул, напрасно пытаюсь выжать послед-

ние сорок капель, многочисленную пустую тару, и на нетвердых ногах выбрел в жизнь.

Жизнь заявила о себе тусклым фонарным светом и фарами машин.

– О, сейчас мотор поймаю, – всплыло в хмельном мозгу, и Вася с вытянутой рукой шагнул к дороге...

Очнулся он в странном месте. Дверь небольшой белой комнаты, где он лежал на белоснежной с бортиками кровати, похожей на детскую колыбельку, была открыта. По коридору туда-назад бродили... йоги, в большинстве седовласые, в белых чулках и белых свободных одеяниях. Чресла иных были просто обёрнуты короткой простыней, схваченной узлом на боку. В разрез просвечивало нагое бедро, но от колена и ниже ноги были обмотаны белыми полотняными полосами, наподобие солдатских портянок. И все почему-то опирались на костыли.

Вася затаился, напряженно прислушиваясь к коридорной речи. Говорили мало, иногда поминали какую-то замену и даты операций.

– На органы меня, что ли пустить хотят, гады? – холодел Василий от пойманных обрывков речи. – Не дам.

Безать, как выяснилось, он не мог. Левая нога ему не повиновалась, к тому же рука его была прихвачена к борту кровати каким-то ремнём.

Иногда среди йогов попадались фигуры слегка отличные: без костылей, в белых шапочках и синих или зелёных полотняных штанах.

Один из таких вошел в Васину комнату.

– Ну что, очнулся герой? Готов к операции?

– Не надо меня усекать, товарищ... господин... как вас там? Йог, – запротестовал Василий, – я классный специалист, ещё сгодиться могу вам...

– Ты что, всё ещё из-под кайфа не вышел? – засмеялся синеврюкий. – В травматологии ты, машина сбила. Ещё хорошо отделался: шейку бедра сломал только. Срочно сустав менять надо. На, почитай, до завтрашнего утра у тебя время есть.

И бросив на кровать брошюру, добавил:

– Читать-то умеешь?

– Обижаетесь, док. Я сварщик с дипломом, чертежи читаю, – проворчал Вася, успокоенный, однако, банальным поворотом своей истории.

Читать что-то кроме крайне необходимых чертежей Вася не любил. Листая машинально брошюру

с названием «После операции» и не вникая в текст, он вдруг споткнулся на картинках, которые тут никак не ожидал увидеть. «Сексуальные отношения» – прочел он на странице 85, пестреющей изображениями, демонстрирующими позы и позиции, не уступающие камасутре.

– Во даёт медицина! – изумился он. – Как осовременились, целых семь страниц!

Васина рука помимо воли то и дело возвращала заветные изображения, а воображение услужливо и живо заменяло безликие фигуры-схемы Наденькиным обличьем. С одной картинкой застенчиво смотрело её улыбочное лицо, с другой манила статная фигурка.

Вдруг Вася заметил, что лишь под четырьмя картинками стояло разрешающее «Да», остальные сопровождалось запретным «Нет». Вася приуныл. И было от чего...

Окончательно придя в себя, он вспомнил о несостоявшемся свидании с очаровательной Надеей, нашёл в мобильном сообщении от неё: «Так меня ещё никто не надувал, прощай, впредь прошу не беспокоить». Тут же ответил, немного слукавив, что по причине производственной травмы попал на срочную операцию. Поверила, прониклась, обеспокоилась, обещала навестить перед отъездом, а через полгода приехать в их город ещё раз.

В день операции Васе обмотали белым утягивающим бинтом здоровую ногу, сломанную обещали умотать после операции. «Вступаю в общество йогов», – посмеялся он про себя, вспоминая свои недавние страхи. Сейчас страха не было, зудело желание задать врачу один беспокоивший его вопрос. Из головы не выходили Наденька и картинки из книжечки, особенно с запрещающим «Нет». Прикинув, что уже через полтора месяца его послеоперационной жизни четырёхкратное «Да» из брошюры возможно, глубоко сожалея о невозможном, по пути в операционную неожиданно для себя Вася спросил у шагнувшего рядом с его каталкой хирурга:

– Док, а усечённая камасутра из вашей брошюры теперь для меня пожизненна?

– Ну ты даёшь, мужик, – рассмеялся тот. – Ещё операция не прошла, а он о бабах. Ты думай, как тебе на новой ноге ходить научиться. Не бойся, главное не усечём. Но пить не бросишь, всё может случиться.

КАРАСИ

– Лёнь, а ты боишься? – с большими от страха глазами спрашивала Клава у брата. В руках Лёнька держал большое ведро полное карасей.

– Боюсь, еще как боюсь! – ответил он, продолжая нести ведро с рыбой в сторону дома. Клава брела за братом, бубня что-то себе под нос.

Лёнька и Клава родились сразу после войны в бедной семье. Их отец вернулся с фронта без правой руки. Ранено в первом же бою. Демобилизовали. Петр вернулся домой. Познакомился в своей деревне с девушкой Александрой. В послевоенное время особо не выбирали. И хотя Шура, так муж ее называл потом всю жизнь, и была выше его почти на голову, стала ему женой на долгие годы. Да и она не посмотрела на то, что он инвалид. Так и жили.

В семье родилось шестеро детей. Лёнька и Клава старшие. Жизнь тогда была сложная. И голод, и холод, все прошли. Родители старались как могли, чтобы их дети были сыты и здоровы. Отец рубил одной рукой лес, ловил рыбу, завел ульи. Шура занималась по хозяйству. Дом, огород, дети, скотина во дворе. Кормились этим. Куры несли яйца, корова давала молоко, пчелки мед.

В тот день Лёнька и Клава пошли на реку проверить рыболовные сети отца. Не обнаружив там большого улова, а только пару мелких рыбешек, оба расстроились. И тут Лёньку посетила одна мысль – а что если проверить чужие сетки?

– Пошли за мной! – позвал Лёнька сестру и двинулся в сторону заводи.

– А что мы там будем делать? Куда мы идем, Лёнь? Лёнь, нас дома ждут, – тараторила Клава, но покорно шла за братом.

Разница между детьми была всего год. Клава была старшей. Но Лёнька всегда себя ощущал старшим братом, главным в семье. А в деревне Лёньку и Клаву все называли «Шурины погодки».

Дойдя до заводи, Лёнька забрел в воду и начал проверять сеть.

– Лёнька, это же сети дяди Егора! – заволновалась Клава. Лёнька приставил палец к губам, дал этим понять сестре, чтобы молчала и вела

себя тихо. В сетке дяди Егора оказалось много рыбы. Лёнька наложил полное ведро карасей и опустив сетку снова в воду, вышел на берег.

Смеркалось. Почти в полной тишине было слышно, как плещется рыба в ведре у Лёньки. Погодки двинулись вдоль берега в сторону дома.

– Лёнь, а Лёнь, ну что мы скажем дома? – не унималась Клава.

– Что, что? Ничего! Рыба и есть рыба. Сама поймалась.

– А если дядя Егор узнает?

– Ничего он не узнает, – успокаивал Лёнька сестру и себя.

– Если ты не разболтаешь! – добавил он.

– К утру еще наловится. А нам мама ухи наварит.

Караси продолжали предательски шумно плескаться в ведре у Лёньки. В доме свет горел во всех окнах. С большим уловом Лёнька и Клава зашли в дом. На пороге их встретил отец.

Пётр замер с сигаретой в руке, увидев полное ведро рыбы в руке сына.

– Шура, поди-ка сюда! – позвал он жену.

– Ты погляди, какие молодцы! – начала хвалить Шура своих погодок.

– А ты погоди, мать! Это же рыба не наша, – продолжал отец.

Лёнька и Клава опустили головы. А Шура с удивлением посмотрела на мужа:

– Петь, ты чего это? На ней не написано, что она чужая.

– Подписей никто не ставил, но свою рыбу я из сетки еще утром вытащил. Мои сети пустые, – казал отец.

Наступила гробовая тишина. Отец и мать ждали признания от детей, откуда у них такой улов. А Лёнька с Клавой молчали, не зная, что сказать. Боялись гнева отца и осуждения матери за воровство. Но ведь они только хотели позаботиться о семье, как старшие. Вернее, Лёнька так решил, а Клава покрывала брата. Тишину длинную в жизнь нарушили слова мамы.

Шура, покрасневшая от стыда за своих детей, вымолвила:

– Ребята, рыба чья?

– Сетки дяди Егора, его и рыба,

Елена Ахременко,
г. Андреаполь

выходит, – сказал Лёнька.

– Несите ее хозяину, – строго добавила мать.

– Но ведь уже темно. И как? Что скажет дядя Егор? – промелькнуло в голове у Лёньки.

Родители молчали. Стало понятно, что караси должны были «доплыть» до своего хозяина именно сегодня. Отец с матерью вернулись в дом. А Лёнька и Клава побрели к соседскому дому. Собравшись с силами, ребята постучали в ворота. Вышел дядя Егор, и дети признались ему в содеянном.

– Да будет вам. Прощаю! – сказал дядя Егор.

– Я тут захворал немного. Не смог сети проверить. Это хорошо, что вы их вытрясли. Хоть рыба не стухла. Несите карасей домой, раз уж поймали, но больше ни-ни к моим сеткам! Это понятно?

Дядя Егор строго посмотрел на ребят.

– Пойду с вами, скажу Петру, чтобы не выпорол вас, – добавил Егор Степанович.

Дома Лёнька и Клава все же получили свою «порцию горячего» по пятой точке от отца. Но если бы не дядя Егор, наказание могло быть более жестким. Больше никогда погодки не брали чужого. Урок был усвоен.

Вирусно-фенологическое

Заходящее солнце бьет в глаза. Дорога ведет точно на запад. То и дело приходится обгонять колонны фур. Навстречу – тоже фуры. Неделю назад М9 была на удивление свободна. Можно было проехать сотню километров, так никого и не обогнав. Оживились грузоперевозки. С сегодняшнего дня работают все магазины: канцелярские, книжные, одежды и обуви. «Карантин» совсем ослабел. Завтра откроют маникюрные салоны. Самоизоляция прошла стороной. Кого за это славить – не знаю. Наверное, спою осанну губернатору. Самоизоляции он не вводил, но вопреки прогнозам скептиков, выявленных заболевших все меньше день ото дня.

В салоне – гость из Подмосковья. Едем на запад области. Странно получается: рыболовы этих мест, изобилующих реками и озерами, живут по законам Волго-Каспийского бассейна, хотя все местные реки текут к Балтике.

Пересекли Западную Двину (Даугаву). Она хоть и в берегах, но цвет воды темно-коричневый. Мне здесь делать нечего, и едем дальше. Неподалеку Великий Валдайский водораздел – водораздел трех морей. Выбор у нас есть.

Теплая зима – затяжная весна. Полистал свой альбом. Нашел фотографии, сделанные почти десять лет назад в этот день – 24 апреля. Тогда было теплее. Облетались пчелы, потянули обножку в улей. Вылетели бабочки. Проснулись жабы и лягушки. А сейчас все словно замерло, проснувшись. Рано потек березовый сок, а потом почти перестал. Набухли и застыли в таком положении почки. Спят еще земноводные. Не видно обычного весеннего шевеления и под водой.

Одни реки еще красные от воды, стекающей из болот, другие несут какую-то взвесь и обрывки травы. Озера, посветлевшие пару недель назад, опять помутнели: отрывает со дна прошлогоднюю траву.

Весна не дает сидеть дома и хорошо, что никто не заставляет там торчать, прячась от неведомой хвори. Даже те, кто боялся вначале, уже плюнули на нее и забыли.

Приходится менять места и водоемы в поисках «прозрака». Одно озеро, другое, река – ни души. Погода не благоприятствует, но чуть потеплеет, и на берегах появятся рыболовы.

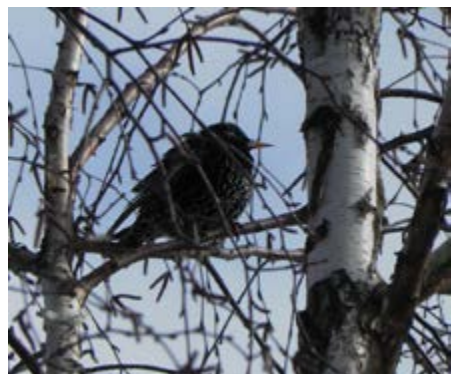
А пройдет неделя, и начнется грибной сезон. Полежут сморчки – ведрами собирай.

А может и не начнется, если весна окажется затяжной. Глобальное потепление – оно такое непредсказуемое. Если будет еще неделя холодов, то лес, как обычно, оденется к концу первой недели мая. Прилетели скворцы, аисты. На неделю раньше. Но так тоже бывало.

Линь и карась проснулись от спячки, если вообще в нее впадали. Плыву против течения, держась края заводинки – вотчины линя. Линь не гуляет, а стоит полузарывшийся в ил. В мутняке трудно его заметить, и небольшие «холмики» взрываются облаками мути прямо перед маской. Приходится делать второй заход и искать тех линей, которых вспугнул.

В обрезанных льдом по кромку воды камышах копошатся компашки подлещиков. Крупный лещ держится от них особняком. Его стаи еще на глубине, и у берега только самые непоседливые экземпляры.

Некрупная щука сторожит мелочь, прижимая стайки мелкой плотвы к берегу. Мальки суетятся на мели, не рискуя отплыть на глубину.

Нет, это еще не весна. Ночные заморозки остужают воду, а днем то снег, то дождь. Нет хищных жуков-плавунцов, не видно лягушек – спят еще. Живая природа пока не почувствовала потепления, пока все идет так, как и прежде. И будет все так, как и прежде. Везде. Надеюсь.

*Иван Кирпичев,
Нелидово*

Сбежать!

Порой так хочется всё бросить и сбежать
От суеты,
От всех проблем подальше,
Оставить сложности, уйти без багажа –
Хотя бы день
Прожить без грубой фальши.
Как сон дурной: забыть и впредь не вспоминать
Ни слова из
Обыденного вздора,
Увидев озера сверкающую гладь,
Лететь к нему
С разгоном метеора!
Найти себя и обнаружить верный путь,
Вкусить успех,
Поймав за хвост удачу,
Побольше воздуха приятного вдохнуть,
И даже стать
За день – на жизнь богаче!

*Владимир Селянкин,
Тверь*

* * *

Не верит дерево безветрию,
Как будто в штиле жизни нет.
Не любит небо геометрию,
Ведь хорда радуги – хребет
В его спине. Земля не выразит
Дыханьем всю свою любовь
К тому, что в воздухе зарей сквозит,
К полудню пропадая. Бровь
Нахмурит лес, и острым лезвием
Сверкнут глаза родных болот.
Слезам канут утка с селезнем
В небесный свод.

*Юлия Иванова,
Бежецк*

Призрачный лик

ОТРАЖЕНИЕ

Обернулся и вздрогнул: из тьмы
закопной – глаза,
и размытость лица, и мерцают
созвездья сквозь тело.
Сразу взмокла спина, но метнуться
трусливо назад,
в кожуру абажура, душа моя не
захотела.
Мы сошлись у стекла, на распутье,
на стыке дорог.
Вся вселенная в нём, у меня – лишь
обыденность сзади.
Он бездонность зрачков обратил в
бессловесный упрёк,
я ответил ему взглядом, добела
выцветшим за день.
Затеня свет ламп, я прижал
обжигающий лоб
к леденящей насквозь,
дребезжащей от пульса странице
и рывком осознал, что сменилось
моё ремесло,
и уже не успеть из бездонности
звёздной напиток,
что уже не уйти, от раздвоенности
не спастись –
нас стекло раскололо на уют и на
дерзость созвездий.
Он уже не войдёт в тесный мир
моих тихих квартир.
Я уже не решусь сделать шаг в
закопную бездну.

*Владимир Юринов,
Андреаполь*

СТРАННЫЕ ТЕНИ

Только вечер апрелистый розовый
Вылил на небо клюквенный морс,
Устремились к опушке березовой
Человек, словно дымка, и пёс.

Над стернёю плывут развесёлые,
Столько жизни в их зыбких телах,
Над простором и бывшими сёлами.
Чья вы память? Иль чей-нибудь
прах?

В нас живёт суета поминутная,
Забываем, что жизнь – это миг.
Для чего вы случайному путнику
Показали свой призрачный лик?

*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ

Солнце кровавое, лес голубой,
Чёрные тени над синей водой...
Что-то сегодня не так, как всегда:
Тихо к ногам подступает вода...
Шепчет ветер с листвой молодой
Вечером майским о жизни земной...
Стихло. Ни звука кругом, лишь

вдали
Что-то метнулось бесшумно с земли.
Мёртвый туман по воде. Лишь луна
Выплыла. Смотрит безмолвно она.
Шорох по берегу. Тише. И вновь
Слышится шорох и всплеск. Стынет
кровь.
Замерло. Воздух повис полотном.
Всё словно вымерло в царстве
немом...
Нет! Знаю точно, что жизнь не
стоит:
Гулко и медленно сердце стучит...
Господи! Где же, скажи, мне найти
Сил, чтобы взять и спокойно уйти!?

*Юлия Рыжова,
п. Бологово*

* * *

Отчего собаки
воют в темноту?
Знать, нечистый бродит
где-то за версту.
Путников усталых
водит вокруг дорог,
Зажигая в чашах
света огонек.
От тоскливой думы
шумно плачет в ночь,
Из следов звериных
вяжет узорочь.
И заботным людям
просто невдомек:
Он, как в поле ветер,
страшно одинок.

*Валерий Линкевич,
Андреаполь*

* * *

Белый снег – холодный саван.
Над безмолвием полей
Серым облаком дырявым –
Души здешних королей.
Из забытого далёка,
Из литовско-польских смут
Бестелесые владыки
Тут ни чёрта не поймут.
Не паны и не паненки,
В деревнях иной народ.
И не русичи-славяне
Здесь сажают огород.
Русских баб совсем не видно.
Мужики наперечёт.
Там, где колос зрел завидный,
Борщевик один растёт.
Здесь не сеют и не пашут.
Счёт бурёнкам не ведут.
Кулаками спяну машут.
Спяну же как мухи мрут.
...Сигизмунды, Казимиры,
Прахом ставшие давно,
За грехи, смотреть дано вам
Это страшное кино.

*Светлана Большенкова,
Нелидово*

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ

День околел. Дырявя неба зонтик,
ошалевая звёздные огни.
Вечерний час – различных встреч
предзона,
и только мы не встретились одни.

К тебе я населённую пустыней
без права встать и повернуть назад
иду дорогой бесконечно длинной,
где трупы по обочинам лежат.

Кровавым залита асфальтом мостовая,
наполнен кровью придорожный ров,
звезда с небес мигает мне кроваво,
мои следы с пути смывает кровь.

Навстречу мне скелетные конклавы.
Переступая через тьму и ложь,
иду к тебе дороною кровавой
и знаю: ты меня на ужин ждёшь.
Тебя я вижу. Кончились тревоги.
Что было плохо – стало хорошо.
Пускай опухли пьяной мордой ноги,
Я до тебя – до ручки, вот! – дошёл.

И тут в одну дороги наши свились.
Ушли сомненья, и растаял страх.
И в поцелуе мы соединились,
как будто
пролетарии всех стран.

*Михаил Никоноров,
Андреаполь*

* * *

Если у вас есть свой антимир, своя
возможность ухода
В другое пространство и время, в
другой ипостаси
Себя обрести, – при наличии этого
видна порода,
Позволяющая запечатлеть свой лик
в иконостасе
Судьбы, – это не может быть просто
игрой.

Всё, что меняет свои состояния,
Чуждается абсолюта. Абсолютны
лишь вещи,
Лишённые времени и расстояния.
А поэтому пустота абсолюта лишь
резче
Подчёркивает страх перед
невозможностью быть самим собой.

*Юрий Смирнов,
Любино – Торжок – Маслово*